

Наталья Пушкарева

Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни)

Я уверен, что есть особое *libido academica*, это особый тип желания...

(Пьер Бурдьё)

«На религию нельзя смотреть со стороны, со стороны ничего почти не видно...» — полагал в 1907 г. Н.А. Бердяев [Бердяев 1999]. Но, если задуматься, на очень многие явления лучше смотреть не со стороны, а изнутри. Согласимся, что и на нашу научную жизнь вряд ли эффективно «смотреть издали», особенно если воспринимать ее не как отвлеченное понятие и даже не как сложный феномен общественного сознания, постоянно изменяющийся, поскольку меняются, развиваясь, его носители. Наша повседневность, быт представителей академического сообщества — это особый жизненный стиль, особый образ жизни. Как социальные антропологи, мы понимаем, что «события человеческой жизни, согласно их двойственной природе, нужно изучать с помощью дуалистических методов, т.е. не только факты, но и смыслы, которые в них вкладываются» [Шанин 1998: 101; Mülle 1993], чтобы глубже понимать саму жизнь, ее малозаметные перемены.

Наталья Львовна Пушкарева

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
pushkarev@mail.ru

Какие структуры и социальные процессы вне науки опосредуют биографический опыт?

Как биографии сами структурируют научные практики? Насколько просопографический подход¹ релевантен изучению антропологии научного быта?

Желание найти ответ на эти вопросы потребовало сформулировать задачу, применяя приемы *anthropology at home* в своем исследовательском поле, т.е. изучая академическое сообщество. Однако в процессе осуществления поставленной задачи нужно было сразу ограничить себя, учесть те очевидные недостатки методов качественной социологии и глубинного этнографического инсайдингового интервью, о которых столько написано в учебниках. Речь идет об излишне дескриптивном характере получаемых данных, опасности подмены научных объяснений подчас высокохудожественными, но (чего уж там таить) субъективными повествованиями, в которых на смену внятным теоретическим построениям, обоснованным эмпирическими доказательствами, могут прийти описания отдельных случаев, размышления о времени и о себе, далекие от научных обобщений. Можно ли разглядеть науку в деталях жизненных историй отдельных людей? Как отделить в рассказах ученых то, что напластовано в них средой «их обитания», насколько это важно для понимания структур повседневности современного города?

«Центральной проблемой социологии интеллектуальной среды являются сами интеллектуалы — социальные агенты, обученные изучать других. Будучи сами профессионалами в объяснительной сфере, они куда более, чем средний, рядовой человек, склонны корректировать и трансформировать свои спонтанные ощущения, собственное видение социального мира вокруг них в некий образ научной картины мира» [Wacquant 1989: 4].

Зная об этих сложностях и предостережениях, я все же инициировала особый проект и вот уже несколько лет занимаюсь сбором жизненных историй ученых разных поколений. Мои информанты — жители крупных научных центров. Они рождены в основном в 1950–1960-х гг. (на германоязычном пространстве аналогичный по задачам и идеям проект охватил главным образом 50–60-летних, то есть тех, кто родился в 1940–1950-е гг. [Dresse, Langreiter 2002; Kohlt 1981]), хотя

¹ Просопография (греч. *προσωπος* 'лицо, личность'; *γραφο* 'пишу') — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая биографии лиц, относящихся к определенной эпохе и имеющих общие социальные черты, занимающие определенную должность, «действующих и рассуждающих» [Юмашева 2005: 95].

были и более старшие, и более младшие информанты. Основной массив интервью собран в Москве, отчасти в Санкт-Петербурге. Как референтная часть представлены информанты Минска (Беларусь) и Софии (Болгария).

Я ставила задачей выявление изменений в повседневности женщин-ученых.

Чтобы сузить поле выборки, за основу было взято априорное суждение, основанное на так называемом «здоровом смысле»: женщины из среды научных работников, защитившие вторые (хабилитационные, докторские) диссертации в возрасте до 40 лет, могут считаться рано достигшими профессионального успеха [Giegel 1995; Hasenjürgen 1996]. Именно эта социальная когорта и оказалась в центре внимания. Отдав себе отчет в опасностях, которые лежали на исследовательском пути, я попыталась пройти мимо Сциллы субъективности и Харибды отстраненности, постоянно применяя подходы феминистской антропологии к изучению устной истории женской части научного сообщества¹. Некоторые результаты моей работы в этом направлении уже увидели свет в 2004–2009 гг. [Пушкарева 2004; 2007а; 2007б; 2008].

В данной публикации — результаты исследовательского анализа записей по теме «детство — юность — профессиональное становление» женщин-ученых. Анализировались разного рода автобиографические женские тексты или транскрипты интервью, как опубликованные в газетах и журналах, так и собранные в ходе многочасовых разговоров с представительницами референтной группы. Секвенции «автогинографий», «социолектов женской культуры» [Stanton 1987; Naaken 1998] сделаны по тематическому принципу с целью выявления особенностей воспитания и социализации тех, кто в дальнейшем пополнил ряды представительниц академического сообщества в нашей стране. Иногда удавалось поговорить с представительницами академической науки разных поколений в рамках одной семьи, что и дало возможность подтвердить уже сформулированный в литературе вывод о том, что научная интеллигенция чаще всего является не первым, а вторым (порой даже третьим) поколени-

¹ Как автор, стремящийся к научной объективности, я не считаю нужным педалировать тему приверженности тем или иным идейно-политическим направлениям. Очевидно, что все они так или иначе влияют на научное знание. Быть абсолютно свободной от них нельзя. Поэтому достаточно «заявления о намерениях». Более жесткое приписывание к той или иной теоретической школе путем приклеивания ярлыков (марксист, феминист и т.п.), которое П. Бурдьё назвал «интеллектуальным терроризмом» [Bourdieu 1984: 38], полагаю излишним.

ем научных работников [Нехоца 1990: 37]. Это достаточно типично для европейской науки в целом и остроумно описано французским социологом и культурологом: «Я уверен, что <...> особое *libido academica* <...> возникает из отношения между определенным хабитусом (сконструированным социально: мы знаем, что дети профессоров, к примеру, имеют более очевидную склонность к *libido academica*, нежели дети бизнесменов, которые, кстати, часто находят таковую роль гротескной) и полем особой выгоды. И возникающее в поле взаимодействия хабитуса и поля особой выгоды *libido academica* сублимирует самое себя в *libido scientifica*, без коего невозможно воспроизводство науки» [Wacquant 1989: 19].

Большинство успешных женщин, действительно рано добившихся успеха в науке, происходят из семей служащих (в том числе из семей так или иначе связанных с научным миром). Или родители у них были учеными, или значимые для их детского мнения родственники (чаще — дяди, чем тети) имели отношение к науке [Демина 2009: 2]. Разумеется, от этого трудно ожидать механической передачи увлеченности научным поиском и творчеством, равно как трансляции социального статуса ученого из одного поколения в другое. Социальный статус — групповой атрибут (порождаемый прежде всего семейной группой). Его элементы (экономические, образовательные, географические, можно добавить еще и наличие сложившихся и устойчивых социальных связей), конечно, могут передаваться. Однако передать, как бы мы ни старались, можно не все. Передача интереса к учебе, равно как и разочарований на этом пути, как бы эмоционально и убедительно ни описывались старшими, могут наталкиваться на слабую восприимчивость тех, кто является адресатом родительских наставлений и апелляций.

«Каждое поколение вырабатывает свой собственный профессиональный проект. Оно отличается от предыдущего тем, что развивает новую деятельность, вводит инновации, мобилизуется вокруг целей, которые ему присущи <...> [Вот почему задача состоит в том, чтобы] попытаться схватить объективные социокультурные детерминанты, это структуралистский момент», — так полагает знаменитый французский социолог, один из основателей современной концепции социальной мобильности в поколениях Даниэль Берто [Берто 1992: 112]. Заметим, однако, что многие трансляции происходят по принципу эквивалентности, которая может выразиться в сохранении социального и профессионального статуса (дочь врачей становится адвокатом) или профессиональной ситуации (дочь медсестры становится врачом). «Следование правилу» отличает женский тип поведения вообще: он более конформный, более

удобный для «воспитателей», и женский хабитус (как «система устойчиво передаваемых предрасположенностей» [Teylor 1996: 178; Волков 1998]) предполагает ненарушение ожиданий родителей и воспитателей.

Нередко — приведем этот пример для сравнения — активные участники политической жизни (действующие политики) не скрывают своего желания сделать детей продолжателями своих идей и своего дела. Бывает так, что политическое дело продолжают дочери (в российской действительности такие примеры всем известны: это и М.Е. Гайдар, продолжательница «правого дела» своего отца Е.Т. Гайдара, и Т.Б. Дьяченко (Юмашева), которая после смерти отца явно скучает без участия в политике). Социальным психологам известно, что женщины, сделавшие своей целью путь в политику, при формировании жизненной мотивации всегда *ориентировались на отца* [Новикова, Карева 2004: 42]. А что же женщины-ученые? Похоже, что для них такая ориентация часто также была связана не только с символической для них фигурой идеализируемого отца и мужских качеств, но и с желанием исполнить мужскую волю, оправдать «видение» будущего дочери:

Он мне очень много рассказывал о своей профессии [летчика. — Н.П.]. Он был прекрасным рассказчиком, вдумчивым, умным человеком, который видел детали и проблемы, одержим был таким глубоким желанием понять взаимоотношения людей или явлений. Он пытался развить мои способности, потому что он мечтал иметь сына, а родилась дочка, и вот он пытался во мне развить мужские какие-то навыки, чтобы ему со мной было интересно [АА. Математик, 60 лет. Запись 18 апреля 2005 г.].

Папа мой был научным работником. Но меня никогда не пытались заставить идти по этой вот семейной тропе, так сложилось [АА. Историк, 34 года. Запись 23 декабря 2004 г.].

Поскольку у папы моего, который писал стихи, чайнворды-кроссворды составлял, была большая склонность к гуманитарным наукам, мы с ним решили, что я поеду учиться в МГУ на факультет журналистики [АА. Физик, 54 года. Запись 14 января 2005 г.].

Я в детстве была гуманитарием. Но папа у меня был математик. Поэтому он меня силой выпихнул в математическую школу, погнал на вступительные экзамены под лозунгом «Ну неужели тебе не хочется проверить свои силы?» [АА. Астроном, 48 лет. Запись 14 февраля 2005 г.].

Мой папа, который стал врачом, очень неплохим, специалистом-рентгенологом, всю жизнь в глубине души мечтал быть философом. Но тяжелые времена были, конец 50-х, не поехал он в Москву

учиться. *Может, говорил, я реализую эту его давнюю мечту?* [АА. Филолог, 41 год. Запись 12 февраля 2005 г.]¹.

Очевидно, что влияние отца на всех информантов было доминирующим, хотя у большинства из них были матери, добившиеся профессионального успеха и мечтавшие о том, чтобы их дочери выросли самостоятельными. Редко кто вспоминает о значимости материнского воспитания и влияния в подростковом детстве. Не кроется ли за этим негласное соперничество двух поколений женщин-ученых в рамках одной семьи? Так или иначе, но, похоже, именно характеры отцов оказывали влияние на личность будущих деятельниц науки.

Стремление к независимости, чувство самоуважения, выработка *умения отстаивать свои позиции* — все это берет начало из детства и отношений вначале с родителями, а затем, если вчитаться, с однокашниками. В одном из интервью информант вспомнила о матери, которая создавала игровую ситуацию: обзывала созвучными имени прозвищами и настаивала на том, чтобы девочка не обижалась, а умела «ответить».

«Спорь со мной! Учись защищаться!» — требовала мама, а если обижалась и плакала, насмешливо говорила: «Эх ты, плакса-вакса колбаса, кислая капуста!» [АА. Историк, 47 лет. Запись 1 сентября 2005 г.].

Настрой у нас в семье был такой: «При каждой неудаче — давать умеете сдачи, иначе вам удачи не видеть!» Это говорила мне всегда мама, а отец добавлял: «Эй, держи хвост морковкой!» [смеется тепло, вспоминая...] Вот всегда у нас такие были [установки]. И из сказок моя любимая с детства, которую мне всегда рассказывали и на которой я, наверное, воспитана, — про двух лягушек. Которые попали в кувшин с молоком <...> Оптимистка и пессимистка. Знаете, наверное, да? На этой сказке я воспитана [неожиданно набежавшие слезы]. Всё в наших руках, поэтому не надо их опускать [АА. Врач-офтальмолог, 38 лет. Запись 29 января 2005 г.].

Таким образом, матери и отцы воспитывали в дочерях устойчивость к «ударам судьбы», необидчивость и другие черты характера, которые могли им пригодиться в неравном соревновании с соперниками другого пола. К воспитанному с детства сильному характеру девочкам из описанных семей должен был приложиться «капитал социальных связей». Его, как известно, может передать одно поколение (в данном случае семьи научных работников, а также их друзей, коллег, иногда иных род-

¹ Ср. в воспоминаниях акад. РАЕН Н.М. Римашевской: «Папа был военный, инженер. Я характером скорее в папу» [Новикова, Карева 2004: 43].

ственников) другому (детям, внукам) как капитал социальных отношений, которые складываются между семьями (таких же, как они, работников умственного труда). Девочки, росшие в научной среде, получали его, как говорится, «по рождению». А вот вопрос о том, насколько его можно было использовать, и о том, насколько он был содержателен и весом, непрост. Содержательность капитала социальных связей всегда находится в зависимости и от социально-политической ситуации (от «времен, которые не выбирают») и знания путей скорейшего прохождения формальных этапов научного роста. Ведь именно научная среда и научное сообщество формируют индивида, ориентированного на научный труд, а не индивиды, «от природы» получившие способность к творческой научной деятельности, объединяются в группы, чтобы образовать коллектив научных работников. Так что очевидно: влияние научной среды — определяющее [Ярошевский 1978: 48].

Анализ биографий показывает, что социальный капитал умения и знаний о том, как вести научно-исследовательскую деятельность, сохранял для наших информантов свою ценность лишь в том случае, если заинтересованная в его преумножении не изменяла своего положения в пространстве социальности, не утрачивала «наработок» родителей и *знала, как сберечь капитал семейных статусов*.

Обращение к текстам интервью (как опубликованным и потому являющимся «исповедями на заданную тему», так и неопубликованным, а потому более искренним) показывает, что образ жизни своих семей — семей ученых — был для девочек важнейшим фактором жизненного выбора. Это говорит о сохраняющейся в российском социуме конца XX в. тенденции к воспроизводству профессий и социальных статусов. Даже если у «девочек» родители не имели отношения к науке, такое отношение чаще всего имел один из родственников. И в таком случае, если «полоска света под дверью отцовского кабинета» [Довгань, Минилбаева б.г.] оказывалась не только памятью, но и своеобразным «маяком» на всю жизнь, если воспоминание это не превращалось в фигуру речи, то капитал, наращенный старшим поколением научных работников, преумножался.

Для социального лифта молодому ученому (ему/ей) всегда необходим кто-то, кто способен ввести в сообщество, и этот «кто-то» представляет предыдущее поколение научных работников (чаще помощь осуществляют детям, реже — внукам, нередко помощь племянницам и детям друзей). Без подпитки социальными связями, без их неразрывности во времени этот капитал не преумножается или преумножается плохо. Напротив, крепкая увязанность с конкретной ситуацией, детерминирован-

ность ею и тем уровнем отношений, которые сложились у семьи-продолжательницы (семьи-хранительницы семейной традиции воспроизводства ученых), предопределяет возможность потерь. Ссылки-привязки к прошлому могут быть совершенно невинными (на первый взгляд), но запоминаются на всю жизнь и много позже воспроизводятся в устных воспоминаниях и опубликованных мемуарах:

На семейном совете было решено, что писать я и так буду. У меня к этому склонность [АА. Историк, 1976 г.р. Запись 23 декабря 2004 г.] (и автор стала, действительно, не только ученым, но и автором романов в стиле fantasy, которые ею публиковались под псевдонимом). Ср.: Мои способности, раннее развитие да еще высокий лоб у всех знакомых вызывали одну реакцию: «У-у, какая серьезная! Наверное, будет профессором!» Так что я с детства понимала: другого пути у меня нет [Заславская б.г.]

Социальный капитал родителей, не будучи использованным следующим поколением, может сжаться, как шагреневая кожа, едва сын или дочь заявят, что выбирают иную профессию и не связанный с родительским путь собственной творческой реализации. Часто ли это случается? Бывает. И желание не растерять достигнутого одним или несколькими поколениями определяет ту особую **свободу по принуждению в выборе жизненного пути**, которую явили семьи научных работников, вырастившие детей женского пола. «Заниматься наукой я планировала еще со школы. Возможно, потому, что я крутилась в этой среде, я родилась в Новосибирском научном центре», — размышляет лауреат Премии ЮНЕСКО С.Б. Артемкина, имеющая самый высокий индекс цитируемости в 2008 г. среди химиков-лауреатов Международной премии Л'Ореаль. Ей вторят коллеги, отличившиеся в других науках: «Мне с детства было интересно заниматься исследовательской деятельностью. Возможно, это генетическое»; «Когда меня в детстве спрашивали: “Кем ты будешь?” — я отвечала: “Ученым!” Моя мама — врач, а отец — инженер...»; «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» [Демина 2009: 2; Заславская б.г.]

Даже те девочки, которые жили далеко от научных центров обеих столиц, но имели возможность сформировать представление о жизни ученого по книгам [АА. Филолог, 41 год. Запись 12 февраля 2005 г.; АА. Историк, 58 лет. Запись 21 января 2005 г.; АА. Физик, 54 года. Запись 14 января 2005 г.], фильмам и рассказам родных и близких, получали внутреннюю установку на достижение этой цели:

У меня была тетка — доктор наук. Биохимик. Я часто к ней ездила. Ее лаборатория была для меня Мекка. Я туда страшно рва-

лась, для меня это был тот самый мир — таинственный, чарующий [АА. Антрополог, 47 лет. Запись 28 ноября 2004 г.].

Образ науки и ученого на протяжении нескольких послевоенных десятилетий был героизирован, как и образ космоса и героев — его покорителей. Некоторые школьницы писали письма в ведущие учреждения страны и получали оттуда ответы, где именно им следует получить наилучшее образование для выбранной школьные годы специальности. Такое письмо, вспоминает ныне известный профессор-биолог, «решило исход дела, выбор состоялся; и о нем я никогда не пожалела» [Шульга б.г.].

Дочери как адресаты (агенты) родительского и семейного влияния неявно принуждались к выбору жизненного пути, который представлялся их родителям лучшим из существующих. Это не исключало широкого, казалось бы, поля возможностей — перспективы последовать каким-то иным путем, а потом отказаться от него, но воспитанные в конформности к советам старших девочки следовали внушенным образцам. Иногда пронося благодарность в душе, адресованную родителям (за проявленную настойчивость), а иногда сожалея о несамостоятельности, о том, что выбрали не ту специальность, не тот образ жизни.

Черта ли это российского семейного воспитания в этой социальной среде?

Отнюдь нет. В Европе — все то же самое [Strasser, ScMiesselberger 1998: 212–246]. Столь же «европейское происхождение» имеет и воспитываемый поколениями *опыт жесткой требовательности к себе* в плане ежедневной дисциплины, превращающийся со временем в дисциплину производственную, научную. Среди тех, кто быстро и успешно сделал научную карьеру, защитив докторские диссертации до 40 лет (повторю, что именно таковые — целевая группа данного исследования), не нашлось девочек, которые в школе были не то что разгильдяйками, но хотя бы равнодушными к оценкам. «Уроки, учеба <...> Пе-ервым делом — это учеба. Меня с самого начала ориентировали на то, что я должна закончить школу с золотой медалью. И я ее закончила!» [АА. Офтальмолог, 1967 г.р. Запись 29 января 2005 г.].

Для старшего поколения успешных женщин в науке характерна описанная выше *явная переоценка значимости «хорошей и отличной учебы»*, чего не скажешь о более молодых научных работниках женского пола, преуспевших в своих областях. Отмечу, что единственная из женщин — членов-корреспондентов РАН, у которой удалось взять интервью (она принадлежала

к выборке защитивших докторские диссертации до 40 лет), ни о какой своей «сверхуспеваемости» ни в школе, ни в МГУ не упоминала.

Немалое число информантов с удивлением вспомнили, что в школе *за* их «*отличничество*» однокашники не слишком уважали, а *порой* и *преследовали* и даже исключали из коллективных действий, подвергая остракизму [АА. Историк, 1976 г.р. Запись 23 декабря 2004 г.; АА. Историк, 1959 г.р. Запись 1 сентября 2005 г.]. Часть женщин, вспоминая детство, отметили, что чувствовали свое отличие и умение лучше других осваивать школьный материал, но старались «быть, как все», чтобы не подвергаться насмешкам:

Свои устремления я не афишировала, так как знала, что не найду понимания у подруг. Насмешки были бы не исключены, но я думаю, что скорее они могли быть вызваны завистью к моим успехам в учебе и тем, что я более независимая и самостоятельная. Родители одобряли мои устремления, они не сомневались, что я добьюсь успеха [АА. Физик, 1948 г.р. Запись 12 декабря 2004 г. (Минск)].

Представительница старшего поколения ученых, академик-химик И.П. Белецкая вспоминает о своей юности иначе, потому что хорошо учившихся в ее поколении уважали и не считали, что своей хорошей успеваемостью они стараются быть замеченными старшими:

У меня не было четверок. Никогда. Потому что я к себе относилась с уважением. Но большим личным достижением я это не считаю. У молодежи военного поколения было принято хорошо учиться. Мы стремились выбиться из нищеты, занять в жизни достойное место, но только собственным трудом. На нашем курсе было 30 % отличников, ребята не стеснялись, извините, подушку подкладывать на стул в библиотеке, хорошо учиться тогда было насущной необходимостью [Изварина 2004] (ср.: [Веденина 2006: 25]).

Это мнение представительницы старшего поколения российских женщин-ученых легко находит аналоги в воспоминаниях других ее современниц, также выбравших научную стезю. Все учились прекрасно, умея по-отличнически преодолеть любой «не-интерес», умея заставить себя изучать даже то, что казалось скучным, сказать «через не могу, но сделаю».

Когда я на что-то жаловалась дома, что вот просто не могу же больше, ну, не получается и все тут, мама всегда строго спрашивала: «А через не могу?» [АА. Историк, 1959 г.р. Запись 1 сентября 2005 г.].

Поскольку я привыкла учиться, и было чувство необходимости учебы, я училась, <...> домышляла, додумывала, анализировала <...> Я никак не могла себя заставить зубрить, а потом <...> все было уже очень хорошо. И со 2-го курса института у меня появились публикации [АА. Онколог, 1935 г.р. Запись 28 февраля 2005 г. (Минск)].

Похоже, информанты «портфель собирали с вечера», поступали, как требовалось, с детства привыкая жить в вечном самоограничении, и, как показывают интервью, выросши, становились носительницами требовательности к другим (ровно такой же, какая ожидалась от них). **Образцами требовательности** к себе для дочерей, ставших учеными, **выступали их матери**: все, как на подбор, отчаянные аккуратистки, немислимыми усилиями поддерживавшие порядок, красоту и чистоту в домах, где росли будущие «быстрые разумом» Гипатии.

Стирка и уборка требовали героических усилий. Неотменимость их предполагала смирение. Вот это качество в мамином характере полностью отсутствовало. Я не припомню, чтобы мама по какому бы то ни было поводу произнесла: «Ничего не поделаешь!» или «В конце концов, можно обойтись без этого». Даже на восьмом десятке мама продолжала работать. Мама была человеком железного здоровья и огромного жизненного напора [Фрумкина 1997: 13–16].

В одном из интервью, вспоминая атмосферу новосибирского Академгородка и образ жизни женщин-ученых в нем, информант отметила:

Я выросла в Академгородке 1960–1970-х годов, когда профессия ученого была намного более уважаема и привлекательна, чем сегодня профессия футболиста или банкира. Жизнь моих родителей и их работа были нераздельны, и я выросла среди таких же подвижников, как они. Более преданного науке человека, чем моя мама, я не встречала [Бутакова 2007].

Аналогичные примеры — даже в старшем поколении, где еще не было образцовых мам-ученых — можно также найти без труда [Заславская б.г.].

Среда, юный возраст и, наверное, все-таки пол (женщины в целом конформнее мужчин) оказывали свое бесспорное давление на выбор профессии. Давление могло неявно нести и карательные санкции — от недовольства родителей до угроз, что «тогда уж помочь не смогут», а иногда и более решительных мер (отказа в материальной помощи за то, что выбран не тот — не ожидаемый — жизненный путь). «Наша профессия сейчас не слишком престижна, не обещает блестящей карьеры и боль-

ших денег. Многих приводит к нам семейная традиция, впитанная с молоком матери», — полагает нынешний декан филологического факультета МГУ профессор М.Л. Ремнева [Ремнева б.г.].

Матери играли важную роль в становлении дочек, желая им лучшей жизни и направляя на путь продолжения образования (не только поступления в вуз, но и защиты диссертаций) как на основной путь восходящей социальной мобильности и профессиональной успешности для того (советского) времени. Не о возможном брачном партнере вели речь эти семейные воспитательницы, а ведь в традиционной семье именно матери заговаривали о будущем избраннике дочери. В семьях советских научных работников матери будили честолюбивые мечты и тем структурировали будущий жизненный путь дочерей. Старшее поколение («матерей», рожденных в 1930–1940-е гг.) по сей день помнит, с каким трудом пробивалось в науку. Они лишь часто «забывают», что в их время романтика профессии ученого не была под вопросом. Наличие свободного времени, отсутствие рабочего дня «от сих до сих», интересный круг общения (среди людей творческих и нацеленных на расширение образования)... Все это обосновывало особую систему мотивации. Учились жадно, учились все, преодолевая немислимые бытовые сложности (великолепно описанные в первой книге воспоминаний академика Т.И. Заславской «Катастрофа: начало войны» [Заславская 2007] (ср.: [Фрумкина 2008])) и так, совершенствуясь профессионально, учась каждодневно, безоглядно и стойчески, наработали свой социальный капитал.

В отношении детей у «поколения матерей» появился действенный инструмент, позволявший добиваться ожидаемого поведения и конкретных проявлений его, поступков. Речь о **принципе компенсации** — об объяснении, доступ к каким именно ресурсам может компенсировать отказ от вначале выбранного образа жизни или жизненного пути. Осознание наличия этих ресурсов способно детерминировать траекторию жизненной стратегии даже сильнее, чем страх перед негативной санкцией [Steinpreis, Anders, Ritzke 1999]. Принцип компенсации — в большей или меньшей степени — действовал в разных поколениях, а влияние родительского примера и опыта было настолько сильным в детстве и юности, что изо дня в день, ежедневно, участвовало в формировании внутренних жизненных установок и предпочтений будущих ученых.

В советской этнографии не так много ученых, которых можно было бы назвать потомственными этнографами, — заметил чл.-корр. РАН К.В. Чистов в статье, посвященной юбилею своей коллеги, Т.А. Бернштам. — *Но именно с этих слов хотелось бы*

начать заметку о Т.А. Бернштам. Ее отец был одним из замечательнейших археологов и этнографов, специалистов по Средней Азии, мать — сотрудник Российского этнографического музея. Татьяна Александровна росла в атмосфере интенсивного интереса к этнографии и истории [Чистов 1995: 412].

Примеров, аналогичных приведенному, великое множество¹. О влиянии родителей-ученых пишут часто и с удовольствием, о том, как они сумели увлечь своей профессией — десятки мемуаристок:

Мой отец был археологом и часто брал нас с друзьями в археологические экспедиции. Он нередко давал мне переводить английские и немецкие книги и статьи об антропогенезе, о жизни человекообразных обезьян, о раскопках в Африке. Когда я решила поступать в Институт иностранных языков, отец буквально за руку отвел меня на филологический факультет Московского университета, и я подала документы. Как он радовался сданным мною экзаменам, первым статьям, книгам, как всегда верил в меня! [Матюшина б.г.].

Сама филология мне была интересна еще с детских лет. Дело в том, что мой дядя <...> был филологом — лермонтоведом. И я еще девочкой знала, что “филолог” — это что-то очень высокое. Слова “филолог” и “филология” звучали для меня с раннего детства по-особому. Так что мой жизненный путь был предreshен [Малер-Матязова 2007].

Любопытна и обратная ситуация: **принцип осознанного лишения / доступа** к каким-то важным ресурсам компенсировал сам остоятельность / несамостоятельность в выборе образа жизни или жизненного пути. Скажем, мать известного ныне профессора-филолога Р.М. Фрумкиной отговаривала дочь от поступления на филологический факультет, мотивируя это убежденным: «Кем ты будешь? Училкой?». Девочка «из упрямства отвечала “Да”», хотя «так далеко просто не заглядывала» [Фрумкина 1997: 55].

Стоит сказать и о том, что в еврейских семьях в советское время детей готовили к возможным проявлениям дискриминации. Однако никогда не гендерных (кто в советское-то время мог поставить под сомнение правильность «окончательного государственного решения “женского вопроса”»!) — только национальных и основанных, следовательно, на антисемитизме:

Школа, где я тогда училась, была одной из лучших, если не самой лучшей физмат школой Москвы. Мне легко давалась физика и ма-

¹ См., например: «Мой отец всегда учил меня задавать вопросы и быть любознательной. Наука в нашей семье всегда вызывала большое восхищение» [Александрова 2009].

тематика. В начале последнего школьного года родители объяснили мне, что о гуманитарном образовании для еврейского ребенка не стоит даже задумываться, но в точных науках, чьи достижения может использовать оборона, еврейский ум все еще востребован. Они пояснили, что в престижные вузы вроде Московского университета или Физтеха евреям попасть очень сложно, практически невозможно. Но так как экзамены туда на несколько недель раньше, чем в другие учебные заведения, то попытаться стоит [Энтова б.г.].

В то же время именно в еврейских семьях в советское время в буквальном смысле «культивировалась культурность»: интеллектуальному и творческому воспитанию детей уделялось куда больше времени, чем (если судить по воспоминаниям) в русских семьях. Именно в воспоминаниях Р.М. Фрумкиной, А. Энтовой, Л.И. Вольперт можно обнаружить, что в их семьях было нетрадиционное распределение семейных ролей (папа был мягким, а мама — активной, умеющей добиться своего, а иногда и заработать при непрacticalном муже)¹.

Таким образом, *путь семейной корпорации* всегда в России *был и оставался одним из путей создания устойчивой системы передачи научного опыта*. Он воспроизводился и путем репрессивным (ребенка настойчиво направляли по «своему» пути, поскольку он выглядел наилучшим), и путем подкрепления дружбой, помощью, интеллектуальной поддержкой, созданием общего поля — единомышленников. О том, что родители-ученые были не только друзьями, но и всё понимающими близкими, лучшими из коллег и единомышленников, нередко вспоминают те дочери, что пошли по научным стопам родителей:

Мне помогало и помогает то, что мои родители меня воспитали, выучили, привили любовь к тому делу, которым я занимаюсь, и всегда были единомышленниками и друзьями. Я им за это бесконечно благодарна. При этом я выросла самостоятельной. Сама выбрала свое направление работы, чтобы быть независимой [от родителей. — Н.П.], потом много работала в зарубежных лабораториях в тех областях, где моего отца не знали [Бутакова 2007].

Как отметила анализировавшая научные династии преподавателей Казанского госуниверситета А.А. Сальникова, наследственность выработала «у детей вкус к профессии, воспроизведя порядок, структуру, сделав ее стабильной». Дети не всегда

¹ Мама была материальной опорой семьи. Отец — человек непрacticalный, денег раздобывать решительно не умел. Он много читал, постоянно изучал языки, писал стихи и пьесы, но все — «в стол», «для души». Мама никогда его не «пилила», почему-то считая раздобывание денег своей обязанностью [Вольперт б.г.].

«выбирают тот факультет, где учились родители, но, как правило, все они приходят учиться именно в университет», — пишет исследовательница [Сальникова 2004: 52]. Воспитание уверенности в своих силах и способностях, насыщенность самой среды воспитания и обитания разговорами о жизни научного учреждения, общение с интеллектуалами, наличие собственного высокого уровня образования — это условия обретения родителями одаренных детей, из которых в дальнейшем нередко вырастают незаурядные личности, в том числе и ученые [Albert 1986]. Тем, кому сейчас уже много лет, важно превратить свою биографию в *научную агиографию*. И потому их рассказы предполагают активное *подчеркивание преодоленных научных невзгод* во имя достижения успеха. Но при всей правдивости рассказов о том времени, некоторой лакировки собственных достижений в таких скриптах трудно не заметить:

Я работала с увлечением и азартом. Почти ежедневно с самого раннего утра я сидела в «профессорском зале» старой университетской библиотеки на Моховой и поглощала страницы огромных фолиантов <...> Труд и усилия не смущали меня [Гутнова 2001: 233, 255].

Сам тон рассказа — восторженный, как и положено быть агиографическому тексту, и тема трудностей растушевуется в нем, наполненная радостью воспоминания. Трудности у женщин-ученых разных поколений совершенно разные, поскольку различным был контекст, повседневность. О контексте — трех волнах феминизации российской науки, о социально-политических условиях развития наук в нашей стране за рассматриваемые полвека уже написано [Пушкарева 2007б: 113; Зезина 1997; Кара-Мурза 1989].

Но есть в этих воспоминаниях о сложностях нечто общее, чего не найдешь в мужских мемуарах той же поры. И это *тема гендерных дискриминаций*. Она почти невозможна в воспоминаниях мужчин-ученых, но очень часто проскальзывает в женских скриптах:

Когда я поступала в институт, мне сказали на экзаменах: до вас мы поставили уже несколько 'отлично' мальчикам, поэтому вам мы можем поставить только 'хорошо' АА. Экономист, 1974 г.р. Запись 17 сентября 2007 г.].

Я хотела сдать минимум Ландау, а он уезжает. — Никуда Ландау не уезжает. Просто он у девочек не принимает теорминимум. Наукой в физпроблемах всегда занимались мужчины, за всю историю Института в штате было всего 4 женщины, 3 экспери-

ментатора и я, теоретик <...> Теорминимум по физике — это тяжелое испытание, хуже, чем тяжелая атлетика. Как говорил Дау, «этот вид спорта совсем не для девушек» [Рютова (Кемоклидзе) 1994: 1337–1339].

Крайне редко и скорее сводя все в шутку, кто-то из женщин, простив дискриминирующее действие или высказывание, мог указать на то, что (по сути) речь шла об обиде (много позже, в мемуарах):

Женщины отдела выразили ‘возмущение’ А.А. Фридману тем, что в книге «Мир как пространство и время» в примере на арифметику он сопоставил свойству быть женщиной число 0, а быть мужчиной — число 1 [Кочина 1988: 78].

Частое и привычное желание коллег-мужчин оценивать научные и творческие успехи женщин не по гамбургскому счету нашло выражение в «мужских мемуарах», где успешность женщин в науках приписана не способностям, а внешности:

Должен заметить, что все упомянутые дамы [были. — Н.П.] не только образованные и умные, но и красивые женщины. Вероятно, это придавало им смелости, все знали о том, что Ландау — ценитель женской красоты [Горобец 2007].

Ирония сквозит и в женских упоминаниях о дискриминациях, которые, впрочем, никто не склонен подчеркивать. В воспоминаниях они сглажены, но достаточно обратиться к письмам, и уже не найти никакого иронического подтекста в высказываниях о неравенстве. Скажем, в письме М.В. Нечкиной мужу гендерная асимметрия приписана «буржуазности» мышления чиновников [Нечкина М.В. — Эпштейну Д.А. (мужу) 27 апреля 1928 г. Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 81 об.].

Простили ли наши женщины-информанты тех, кто таким образом принижал их в юности? Судя по всему, да, но они не забыли самого факта. И не прочь о нем напомнить устно и письменно, ведь преодоление гендерной дискриминации входит в условный «пакет» преодоленных невзгод. А успешная научная карьера представляется как постоянный процесс накопления, в котором начальный капитал, выраженный тем или иным дипломом или иной маленькой победой, играет определяющую роль:

Начиная с high school будущий ученый осознает роль соперничества и престижа в своем будущем успехе. Он должен постараться получить самые высокие оценки, чтобы быть принятым в college, а затем — в graduate school. Он понимает, что получить образование в признанном college имеет для него решающее значение <...> Наконец, он должен завоевать уважение своих профессоров,

чтобы заполнить рекомендательные письма, которые помогут ему при получении стипендии, премий. <...> Когда же он приступит к поискам работы, его положение будет намного более выгодным, если до этого он учился в известном учебном заведении и работал с известным ученым. В любом случае главное для него, чтобы самые именитые лица согласились дать ему благоприятные отзывы о его работе <...> Доступ к более высоким ступеням высшего образования зависит от тех же условий. Университет вновь потребует рекомендательных писем от ученых со стороны, он может также создать приемную комиссию, прежде чем принять решение о назначении кого-либо на должность штатного преподавателя [Бурдые 2004: 8–11].

Ко всему перечисленному П. Бурдые (в соседней с Францией Германии это метко именуют «витамином В», поскольку слово *Beziehungen* — связи — начинается как раз с этой буквы) в российском контексте следует добавить огромную роль неформальных отношений, которые позволяют и даже негласно предписывают брать на работу «своих» (детей и родственников знакомых). Ведь без протекции на одном только «паровозе» научно-студенческой активности, как показывают воспоминания женщин-ученых всех поколений в России, в большую науку не въехать. Конечно, в советское время научная работа для многих еще до поступления в аспирантуру выражалась как раз в чтении докладов на научных собраниях, участии в НСО (научно-студенческих обществах), бывших довольно популярной формой научно-студенческих объединений в брежневскую эпоху. В известной степени они призваны были заменить собой кружковую форму взаимодействия студентов и преподавателей, существовавшую в стародавние времена и послевоенные годы.

Анализ биографий убедил в том, что успешных женщин, которые придумали себе научную проблему в ранней юности и в дальнейшем занимались ею всю жизнь (на что сейчас ориентируют через особый тип взаимодействий школьников с вузами олимпиады типа конкурса «Шаг в будущее»), буквально единицы. Большинство тех, кто оставил опубликованные воспоминания или рассказывал по нашей просьбе, не были самостоятельными в выборе темы, ведя научный поиск под патронажем научного руководителя. Он и задавал направление научного поиска [Маликова, Рыбакова 1995: 156]. А поскольку в статусе научных руководителей чаще всего были доктора наук, профессора-мужчины, постольку чаще всего для женщин путеводными *ориентирами*, «маяками» *были идеи статусных мужчин* — тех, кого они выбирали в научные руководители.

Мне стало ясно, что это судьба — я буду у него специализироваться, а если повезет, то впоследствии и работать [Бароненко б.г.].

Это был действительно Учитель и поначалу воспринимался как Бог, каждое его слово — священное писание, он вне критики <...> Самый умный, мудрый, великий <...> А великому-то было всего 37 лет [Алейникова б.г.].

С легкой руки Александра Борисовича мой путь по научной орбитальной спирали набирал обороты, и я вскоре стала заведующей кафедрой [Карпенко б.г.].

Ни один из авторов-мужчин не написал о влюбленности в свою научную руководительницу, хотя бы и профессора. Иное дело — аспирантки-женщины, обучавшиеся у профессоромужчин. Вот пример:

Скоро стало ясно, что на факультете есть один-единственный человек, в котором воплотилось самое главное и прекрасное в жизни. Ему еще было нужно, чтобы все ученики, в первую очередь девчонки, в него влюблялись. Это, так сказать, стало основой его педагогического метода. Конечно, он был незаурядный педагог, яркий, необычный человек. Мы всегда следили — где он, с кем разговаривает. Мы провожали его незаметно по длинному коридору в ректорат, а потом, когда он возвращался, высказывали из-за угла, чтобы попасться ему на дороге и лишний раз поздороваться [Ремнева б.г.].

Он был одним из людей, оказавших на меня исключительно сильное влияние, мы чуть ли не с первой встречи влюбились друг в друга. Главное, он был «настоящим», без капли фальши, приспособленчества [Заславская б.г.].

В собранных нами записях встречаются упоминания и о научных руководительницах, своим образом жизни, примером, преданностью делу сформировавших жизненные планы учениц.

В университете мне встретилось много замечательных людей, но самым сильным было влияние моего научного руководителя Ольги Александровны <...> Я ждала каждой ее лекции, каждого занятия, просто разговора с ней [Матюшина б.г.].

Я благодарна судьбе, что свела меня с ней. Я поверяла ей многие свои тайны и в тяжкие для меня дни заряжалась от нее бодростью и верой в будущее [Гутнова 2001: 151].

Когда речь идет о воспоминаниях женщин, **в ткань повествования немедленно прорывается «бытовое», «повседневное»**. Одна из мемуаристок вообще вспомнила, что та, которая определила

ее путь в науке, ее высокие исследовательские идеалы, еще и «учила варить борщи. С тех пор я и сейчас варю их по методу, который получила от Веры Михайловны» [Карабутова б.г.].

Женщины-ученые — особая субкультура. Немало наших информантов-женщин, заговорив о своих «путеводных звездах» в науке, упоминали о стиле их одежды, поведения, жизни вообще. Это нечасто встретишь в «мужских» воспоминаниях о жизни в науке. Женщины-ученые употребляют в таких случаях такие словосочетания, как «магия», «обаяние», они вспоминают детали быта («карандаши и ручки в керамическом кувшинчике»), внешность, тип говорения («насмешливость до язвительности»), дают точные характерологические ремарки («она была пронзительно умна») [Фрумкина 1997: 55, 62, 65].

Кафедрой заведовала тогда Екатерина Ивановна, тогда только что защитившая кандидатскую. Она была ярким организатором, работала с вдохновением. Понятия «неспособный студент» не было. Выучивали всех, потому что был индивидуальный подход и мастерство. Все это я осознала спустя годы, а тогда такое отношение к работе, к человеку казалось само собой разумеющимся [Брызгунова 2004: 204].

Пройдя долгий путь научного становления, добившись признания, женщины-ученые сознаются, что и впрямь «женщине тяжелее сделать научную карьеру, чем мужчине, и больше всего женщина нуждается в поддержке в молодости» [Бирштейн 2008].

Разделяя это суждение, подведем итоги анализа историй профессионального становления женщин-ученых, добившихся — до того, как «жизнь пошла за второй перевал» [Самойлов], т.е. до своих 40 лет, — значительных профессиональных успехов. Наша задача в данном случае не определение «частоты вариантов, а выявление их типологии в замеренных случаях, формирование обозримого репертуара возможностей» [Schuetze 1983: 283].

В ходе анализа историй и описаний раннего детства, отрочества, юности (до поступления в вуз и отчасти в ходе учебы в нем) на основании «женских текстов» удалось выяснить, что путь семейной корпорации всегда был и оставался в России одним из путей воспроизводства устойчивой системы передачи профессионального опыта. Воспринятый в детстве образ существования, структуры повседневности укрепляли, закрепляли всю жизнь. И не случайно в советские времена существовала грустная шутка: «Это у рабочих — династии, а у ученых — семейственность»: семьи интеллигенции имели тенденцию к «воспроизводству статусов».

Не вызывает никакого сомнения увлеченность женщин своей профессией, захваченность ею и избранной проблематикой у всех, с кем удалось поговорить и чьи интервью прочесть. Иной вопрос — о механизме формирования этой увлеченности, о подчас латентных технологиях ее подкрепления воспитателями на ранних стадиях формирования личностей и практиках развития стратегий социальной креативности. Будущие представительницы научного сообщества с детства были ориентированы на результативную жизненную стратегию, довольно явно зависели от пожеланий в этом плане своих родителей, в особенности отца, пережив подчас особый, скрытый вид принуждения к выбору жизненного пути (в науку). Описанная в этой статье особая «свобода по принуждению» предполагала и объяснение, доступ к каким именно ресурсам может компенсировать отказ от вначале предпочтенного образа жизни в пользу «пути в науку» (*принцип компенсации*), что в свою очередь дополнялось принципом *осознанного лишения* или *доступа к ресурсам*.

Детская повседневность рассмотренной социальной группы требует особого, специального изучения, хотя бы для более обоснованного доказательства того, какую власть имеют над индивидами ожидания воспитателей и значимых других. Но даже те тексты, которые имелись сейчас в распоряжении, позволяют сделать осторожные выводы о том, что большинству опрошенных удалось в той или иной степени сохранить капитал семейных статусов, воспитать требовательность к себе и самодисциплину уже в подростковом возрасте и юности, имея в качестве образца пример матерей. Для «автобиографий» ученых характерна очевидная переоценка значимости отличной успеваемости для достижения заявленных целей и рубежей, типична тематизация преследований одноклассников за свою «особость» (слитую с «отличничеством»), просматриваются механизмы выработки умения социальной мимикрии («быть, как все») в одних обстоятельствах и умения отстаивать свои позиции, настаивать на своем — в других.

Внимание к способам говорения, «женским социолектам» выявило в опубликованных и устных текстах некоторые характерные черты [Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Пушкарева 2001]. Это особое подчеркивание преодоленных научных невзгод, сквозная тема гендерных дискриминаций (но только в случае, если об этом специально спрашивалось), присутствие некоторых сюжетов, связанных с традиционными проявлениями женской идентичности (тема влюбленностей, бытового и проч.).

Список сокращений

АА — Архив автора

Библиография

- Алейникова Т.В.* Несколько слов об Учителе // *Опережая время. Воспоминания к 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Александра Борисовича Когана* <http://www.krinc.ru/w715/Memory/Mem_7.htm>.
- Александрова Е.* Лауреаты—2009 // *Троицкий вариант. 2009. № 5 (24).*
- Бароненко В.А.* Воспоминания о том, как Александр Борисович Коган выводил меня на орбиту и что из этого получилось // *Опережая время. Воспоминания к 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Александра Борисовича Когана* <http://www.krinc.ru/w715/Memory/Mem_5.htm>.
- Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность / Составление и комментарии В.В. Сапова. М.: Канон+, 1999 <http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1907_2_001.htm>.
- Берто Д.* Наследство и род: Трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // *Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 111—119.*
- Биштейн Т.* 100 000 евро за науку // *Наука и технологии Российской Федерации (S&TRF). Новости. 2007. 24 июля.*
- Брызгунова Е.* Востребованность лингвиста // *Вопросы русского языкознания. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сб. науч. статей к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004* <<http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/bryzgunova/>>.
- Бурдые П.* Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации // *Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 8—11.*
- Бутакова В.* Эта азартная игра — наука. <<http://www.vn.ru/15.12.2007/society/89734>>.
- Веденина Л.* Вспоминая университетские годы // *Время, оставшееся с нами. 1950—1955. М.: Редакция альманаха «Русский Архив», 2006.*
- Волков В.В.* Следование правилу как социологическая проблема // *Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 157—170.*
- Вольперт Л.И.* Мама: добрейшей души человек. Воспоминания // *Рутения. Персоналия. Кафедра русской литературы Гартусского университета. Проф. Л.И. Вольперт* <<http://lepo.it.da.ut.ee/~lar2/>>.
- Горобец Б.* Почему в школе Ландау было так много еврейских физиков? // *Еврейская газета. 2007. 25 дек.* <www.jig.ru/index4.php/2007/12/25/pochemu-v-shkole-l-d-landau-bylo-mnogo-evreiskix-fizikov.html>.
- Гутнова Е.В.* Пережитое. М.: Наука, 2001.
- Демина Н.* Есть женщины в нашей науке // *Троицкий вариант. 2009. № 5 (24). С. 2.*

- Довгань В., Минилбаева Е.* К богатству — с пеленок! Настольная книга для умных родителей. <http://www.fl34.ru/books/Dovgan_K_bogatstvu_s_nelenok.doc>.
- Заславская Т.И.* «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zaslavskaya_07.html>.
- Заславская Т.И.* Избранное. Т. 3. Воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
- Зезина М.Р.* Материальное стимулирование научного труда в СССР 1945—1985 // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 1. С. 20—28.
- Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 90—136.
- Изварина Е.* Академик И.П. Белецкая «Додумать — и сделать, как надо» // Газета.ру. 2004. Январь. <http://www.uran.ru/gazetanu/2004/01/nu02/wmnu_p4_02_012004.htm>.
- Карабутова Е.А.* Из воспоминаний Кати Шмаковой (Екатерины Архиповны Карабутовой). <<http://joker.tomsk.net/nvk/five17.htm>>.
- Кара-Мурза С.Г.* Советская наука и бюрократическая система: грани взаимодействия // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 60—68.
- Карпенко Л.Д.* Перелистывая страницы былого... // Опережая время. Воспоминания к 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Александра Борисовича Когана <http://www.krinc.ru/w715/Мемору/Мем_21.htm>.
- Кочина П.Я.* Наука, люди, годы. М.: Наука, 1988.
- Малер-Матвеева Е.* «Ощущение Божественного присутствия у меня было всегда...» Беседа с профессором А. А. Тахо-Годи (осень 2007). <<http://www.pravoslavie.ru/guest/071207004653.htm>>.
- Маликова Н.Н., Рыбакова О.В.* Путь в науку // Социологический журнал. 1995. № 1. <<http://www.socjournal.ru/article/139>>.
- Матюшина И.Г.* Динамика жизнестворчества: константы — доминанты — тенденции <<http://ivgi.rshu.ru/article.html?id=50999>>.
- Нехоца Б.В.* Этнос науки и воспроизводство научных кадров // Вторая конференция по социальной истории советской науки. М.: ИИЕТ АН СССР, 1990. С. 36—41.
- Новикова Э., Карева Н.* История становления женского самосознания: ключевые фигуры движения за права женщин // Устная история и биография: женский взгляд / Под ред. Е.Ю. Мешеркиной. М.: Невский простор, 2004. С. 39—90.
- Пушкарева Н.Л.* «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст / Под ред. Е.А. Вишленковой. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 241—274.
- Пушкарева Н.Л.* «Умные, но бедные» (Фольклор о женщинах-ученых как скрытая форма гендерной дискриминации) // Гендерная дискриминация: проблема, подходы, решения / Под ред. О.В. Шнырова. Иваново: изд-во Ивановского ун-та, 2008. С. 232—263.

- Пушкарева Н.Л.* Женщины в российской науке: два столетия дискриминации // *Женщина +*. 2004. № 3 (31). С. 78–86.
- Пушкарева Н.Л.* Память о повседневном женщин из среды научных работников // *Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья* / Под ред. В.А. Космач. Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2007а. Ч. 2. С. 303–309.
- Пушкарева Н.Л.* Этнография современной российской науки: гендерный аспект // *Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри* / Под ред. Е.Р. Ярославской-Смирновой, П.В. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007б. С. 111–133.
- Ремнева М.Л.* «Мы были романтиками и любили читать» <<http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/remniova/>>.
- Рютова (Кемоклидзе) М.П.* «Есть Ученый совет и семинар по средам. Этого достаточно» // *Успехи физических наук*. 1994. Т. 164. № 12. С. 1337–1339.
- Самойлов С.* Сорок лет. <<http://www.litera.ru/stixiya/authors/samojlov/sorok-let-zhizn.html>>.
- Сальникова А.А.* Частная жизнь университетского человека в Казани в 1920–1990-е гг. // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. 2004. № 8. С. 38–54.
- Фрумкина Р.* О нас наискосок. М.: Русские словари, 1997.
- Фрумкина Р.* Татьяна Заславская, академик. <<http://www.polit.ru/author/2008/02/22/zaslav.html>>.
- Чистов К.В.* Татьяна Александровна Бернштам // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. 1995. Вып. 8–9. С. 412–415.
- Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной русской деревни // *Социологический журнал*. 1998. № 3–4. С. 101–109.
- Шульга Е.Л. А.Б. Коган в моей жизни* // *Опережая время. Воспоминания к 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Александра Борисовича Когана* <http://www.krinc.ru/w715/Memory/Mem_38.htm>.
- Энтова А.* Такая знакомая дискриминация <<http://www.jewishagency.org/NR/rdonlyres/8CF1BF9A-CD6C-4CFE-9EEF-F321F89D2E45/0/Entova.pdf>>.
- Юмашева Ю.Ю.* История просопографии // *Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки*. Вып. 10. 2005. № 39. Сер. История. С. 95–127.
- Ярошевский М.Г.* Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // *Вопросы психологии*. 1978. № 3. С.48–54.
- Albert R.S., Runco M.A.* *The Achievement of Eminence: A Model Based on a Longitudinal Study of Exceptionally Gifted Boys and their Families* // *Conceptions of Giftedness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 332–357.
- Bourdieu P.* *Choses dites*. P.: Minuit, 1984.
- Dresse G., Langreiter N.* *Nie Zeit, nie frei — Arbeit und Freizeit von Wissenschaftlerinnen* // *Gruber S., Löffler K., Thien K. (Hg.), Bewegte*

- Zeiten. Arbeit und Freizeit nach der Moderne. München: Profil-Verlag, 2002. S. 121–138.
- Giegel H.-J.* Strukturmerkmale einer Erfolgskarriere // Fischer-Rosenthal W., Albeit, P. (Hg.) Biographien in Deutschland. Soziologische Rekonstruktionen gelebter Gesellschaftsgeschichte. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. S. 213–231.
- Haaken J.* Pillar of Salt. Gender Memory and the Perils of Looking Back. L.: Rutgers UP, 1998.
- Hasenjürgen B.* Winners and Losers. SozialwissenschaftlerInnen an der Hochschule // Fischer U.L. (Hg.) Kategorie: Geschlecht? Empirische Analysen und feministische Theorien. Opladen: Leske+Budrich, 1996. (Geschlecht und Gesellschaft, 6). S. 41–55.
- Kohlt M.* „Von uns selbst schweigen wir“. Wissenschaftsgeschichte aus Lebensgeschichte // Lepenies W. (Hg.) Geschichte und Soziologie. Studien zur kognitiven, sozialen und historischen Identität einer Disziplin. Bd. 1. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1981. S. 428–465
- Mülle A.* Alte Herren / Alte Meister. „Ego-Histoire“ der österreichischen Geschichtswissenschaft. Eine Quellenkunde // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 1993. Bd. 4. S. 120–133.
- Schuetze F.* Biographieforschung und narrative Interview // Neue Praxis. 1983. Bd. 3. S. 283–293.
- Stanton D.C.* Autogynography. Is The Subject Different? // Female Autograph. Theory and Practice of Autobiography / Ed. by D. Stanton. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 3–20.
- Steinpreis R.E., Anders K.A., Ritzke D.* The Impact of Gender on the Review of the Curricula Vitae of Job Applicants and Tenure Candidates: A National Empirical Study // Sex Roles: A Journal of Research. 1999. Vol. 41. No. 7/8. P. 509–528.
- Strasser S., ScMiesselberger S.* Mutter oder Mentor? Zur Ambivalenz von Förderungsbeziehungen unter Frauen in der Wissenschaft // Gudrun Perko (Hg.) Mutterwitz. Das Phänomen Mutter-eine Gestaltung zwischen Ohnmacht und Allmacht. Wien: Milena Verlag, 1998. S. 212–246.
- Taylor C.* To Follow a Rule // Philosophical Arguments. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1996. P. 165–180.
- Wacquant L.J.D.* For a Socio-Analysis of Intellectuals: On “Homo Academicus”. Interview with Pierre Bourdieu // Berkley Journal of Sociology. A Critical Review. 1989. V. XXXIV. P. 4–5.